

манеж в «октябре» / manege in «octyabr»

МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНО ФЕСТИВАЛЬ 21.06 – 30.06.2012

#5 (95)

АНДРЕЙ ГРЯЗЕВ
Я нашел своих героев
в интернете

ANDREI GRYZEV
I found my characters
on the Internet

ФИЛИППО НИГРО
Все три героя чувствуют себя
словно на войне

FILIPPO NIGRO
All three heroes feel like
they are in a war

ВСЕ КОПЫ – УБЛЮДКИ A.C.A.B.

стр. 3

ГОЛЬФСТРИМ ПОД АЙСБЕРГОМ GULF STREAM UNDER THE ICEBERG

стр. 4

РЖАВЧИНА RUGGINE

стр. 4-5

КЛИП KLIP

стр. 5

В ПОИСКАХ ШУГАРМЕНА SEARCHING FOR SUGARMAN

стр. 6

ГДЕ МОЙ РОДНОЙ ЯЗЫК? ANA DILIM NEREDE

стр. 7

**АЛЬФРЕД ХИЧКОК
И ОДИН ИЗ ГЕРОЕВ
ЕГО ФИЛЬМА «ПТИЦЫ»**

**ПРОГРАММА «ЗОЛОТАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ ЮНИВЕРСЛ»**

ADRIANA CHIESA DI PALMA

Jury

Just one look at this woman is sufficient to understand that style and beauty are of paramount importance to her. One might even say absolute. A dinner in her house takes place only by candle-light, electricity destroys the natural intimacy of human communication. It is another absolute, far more complex to attain. Adriana Chiesa Di Palma is a businesswoman. Her company is a familiar presence at festivals worldwide, there is a steady flow of journalists, distributors, producers because her collection of films is unique, it includes virtually all most important recent Italian movies. And not only Italian. A special place in her collection belongs to Woody Allen's films, at which her husband, the great cameraman Carlo di Palma worked. Incidentally, a few episodes of Allen's latest movie «To Rome with Love» were shot right on Adriana's terrace overlooking Piazza di Spagna. Yes, surely the functioning of an influential distribution company is a serious matter requiring pragmatism, tough control, a certain courage. But probably Adriana Chiesa is one of those now rare film personalities who have inherited from the great masters of the past a certain nobleness in solving even the most pragmatic questions. I've known Adriana for seven years and have never once noticed the slightest insolence of manner which might be typical of her profession – selling and buying. One could find more up-to-date terms like producing, monitoring, marketing. But this is no the only reason we turn to Adriana. Most certainly we need her remarkable movies, at the 34th MIFF the program «Films Around the World» includes «Li and the Poet» by Andrea Segre, which enjoyed a lot of success at last year's Venice film festival. We turn to her to get the movies and what we find is an informal dialogue of incredible depth, the knowledge of the period in film history which coincided with her life with Carlo di Palma as his Muse and most certainly his co-author. And she still remains his true co-author: during the festival a documentary about the great maestro is being shot.

– Adriana, there is no way you can shoot in Red Square. You have to obtain the permission of... – and a list of some ten – fifteen – twenty names follows.

– I've already settled that, – replies Adriana.

And that is how it always is.

Peter Shepotinnik

Жюри/ Адриана Кьеза ди Пальма

СЕГОДНЯ И ВСЕГДА

Одного взгляда на эту женщину достаточно, чтобы понять, что для нее вопросы стиля, красоты имеют значение первостепенное. Можно сказать, абсолютное. Ужин в ее доме – только при свечах: любой электрический свет разрушает естественную интимность человеческого общения. А оно – тоже иной, гораздо более сложный в достижении абсолют. Ведь Адриана Кьеза ди Пальма, можно сказать, сугубо деловой человек. Стенды ее фирмы – привычный знак всех кинофестивалей мира, и к ним не «зарастает тропа» прокатчиков, журналистов, продюсеров – поскольку коллекция фильмов, которой она располагает, уникальна – там практически все наиболее значительные итальянские картины последнего времени. И не только итальянские. Особое место в этой коллекции – фильмы Вуди Аллена, над которыми работал ее супруг – великий оператор Карло ди Пальма. Между

прочим, несколько сцен последнего фильма Аллена «Римские приключения» снимались именно на террасе квартиры Адрианы, выходящей окнами на Пьяцца ди Спанья.

Да, вопросы существования влиятельной дистрибьюторской компании – всё это, разумеется, вопросы серьезные – тут необходимы и прагматизм, и жесткий контроль, и определенного рода мужество. Но, вероятно, Адриана Кьеза относится к той уже редчайшей категории кинематографистов, которые унаследовали от великих мастеров прошлого особое благородство в решении любых чисто прагматических вопросов. Я, общаясь с Адрианой на протяжении вот уже семи лет, ни разу не заметил в ней и грана высокомерия, которое вполне могло быть свойственно ее основной профессии – продавать, покупать. Можно найти и более современные слова – продюсирование, мониторинг, маркетинг. Мы, конечно, идем к Адриане

не только за этим – хотя нам, разумеется, нужны ее замечательные картины, и на нынешнем 34 ММКФ в программе «Вокруг света» – «Ли и поэт» Андреа Сегре, который имел серьезный успех на прошлогоднем Венецианском кинофестивале. Идем за картинами и получаем неформальное человеческое общение невероятной глубины, получаем живое знание о том периоде истории кино, который она прожила с Карло ди Пальмой на правах Музы и, разумеется, соавтора. Она остается истинным соавтором и по сей день – во время фестиваля, в разгаре съемок картины, посвященной памяти великого мастера.

– Адриана, снимать на Красной площади – невозможно! Требуется разрешение от... – и далее идет список из десяти-пятнадцати-двадцати имен.

– Я уже со всеми договорилась, – отвечает Адриана.

И так всегда.

Петр Шепотинник

ЭЛИТНЫЙ ОТРЯД

КОНКУРС Все копы – ублюдки (А.С.А.В.) / Реж. Стефано Соллима

Это не первый фильм о зверствах итальянской полиции. Дебютировавший в Берлине «Диаз» Даниэле Викари (на МКФ демонстрируемый в программе «Хорошие, плохие, злые») напомнил миру о малопонятной жестокости, с которой итальянский омон в 2001 году расправился с антиглобалистами во время саммита G8 в Генуе. Герои картины, в название которой вынесена расхожая аббревиатура АСАВ, означающая «Все копы – ублюдки», как сообщается, тоже принимали участие в этих кровавых разборках. Впрочем, осуждать их за это режиссер Стефано Соллима особенно не спешит. «Но что меня заставило?» – вслед за познавшей бесчестье Ларисой Огудаловой могли бы спросить амбалы из элитного, самого высокооплачиваемого подразделения итальянской полиции. В режиме компактно уложенной в полтора часа драмы режиссер (на родине он известен как создатель популярного сериала «Romanzo Criminale») знакомит нас с обстоятельствами жизни своих героев, с тем чтобы доказать аксиому, обратную вынесенной в название.

Вот новичок, поступивший на службу по причине успешно скрываемого идеализма. Чтобы он проникся чувством мужского братства, нежно лелеяемого в этом сплоченном коллективе, ему для начала устраивают темную в формате «дедовщина лайт».

Когда же в выделенную муниципалитетом квартиру его родной матери вселяется нелегал из Туниса, необходимость в психологической обработке отпадает сама собой: парень и так готов мочить румын и албанцев хоть в сортире, хоть на митинге, хоть на стадионе.

Вот немолодой омовец, оказавшийся по разные стороны баррикады с 16-летним сыном-националистом. Хотя, впрочем, почему же «по разные»? И неофашисты, и полицейские выступают за Италию для итальянцев и получают большое моральное удовлетворение, выбивая дерьмо из иммигрантов.

Вот безутешный молодой отец, потерявший право видеться с дочерью и по этой причине заехавший в морду экс-супруге, родом, кстати, с берегов Кубы. Кубинке мужний оклад в две тысячи евро казался манной небесной, но по приезде в Рим она убедилась, что этого едва хватает на колготки. Тиграм явно недокладывают мяса – и это одна из причин, по которым они постоянно пребывают за гранью нервного срыва, что опасно и для цирковой публики, и для дрессировщиков.

А вот и самый brutальный из всех, по прозвищу Кобра (Пьерфранческо Фавино). Его регулярно судят за избыточную жестокость, и столь же регулярно оправдывают, ведь все, что делает этот битый жизнью, с положительными складками у рта

мужчина, продиктовано суровой жизненной необходимостью. А жизнь, по его глубокому убеждению, – это дерьмо...

Фильмы, снятые с той или иной мерой сочувствия по отношению к бойцам омона, неизбежно вызывают упреки в апологетизации грубой

силы. Впрочем, основная мысль этой картины – власть нарочно делает из «плохих полицейских» козлов отпущения, вынужденных принимать на себя злость, ненависть и отчаяние доведенных до безумия масс, – не кажется такой уж далекой от истины.

Стас Тыркин

A.C.A.V.

COMPETITION Dir. Stefano Sollima

This is not the first movie about the atrocities of the Italian police. «Diaz» directed by Daniele Vicari, which premiered in Berlin (at the MIFF is screened in the program «Good, Bad, Evil») reminded the world about the incomprehensible cruelty of the Italian police when they dealt with anti-globalists during the G8 summit in Genoa in 2001. The characters of the movie (the title is the well-known abbreviation of «All Cops Are Bastards») are reported to have taken part in those bloody events. But the director Stefano Sollima does not readily blame them. Echoing Larisa Ogudalova, who had known disgrace, the strappers from the highest-paid elite riot police unit could have asked «What made me do it?». In the form of a compact, an hour-and-a-half long drama the director (who is known at home for the popular series «Romanzo Criminale») acquaints us with the life of his characters in an attempt to prove the opposite of the title of the movie.

Here is a newbie, who was accepted because of his skillfully concealed idealism. To make him feel the male brotherhood, cherished in this closely-knit unit, he is subjected to the initiation process in the form of a «light bashing». But when an illegal Tunisian immigrant moves into his mother's flat, which was given to her by the town authorities, there is no longer any need of brainwashing: the guy is ready

to spill the brains of the Romanians and Albanians in the outhouses, stadiums and streets.

Here is a middle-aged policeman who happened to be on the different sides of the barricades with his 16-year-old nationalist son. But why «the different sides»? Both neo-fascists and policemen are arguing for Italy for the Italians and get a lot of moral satisfaction beating the shit out of immigrants.

Here is an inconsolable young parent, who was denied the right to see his daughter, which caused him to slap his ex-wife across the face (incidentally, she was of Cuban origin). To this Cuban woman her husband's salary of 2 thousand Euros seemed like manna, but in Rome she discovered that it was barely enough to buy stockings. The tigers are evidently not fed enough meat, and that is the reason why they are constantly beyond the nervous breakdown, which is dangerous for the circus audience and the trainers.

And here is the most brutal of them all nicknamed Cobra (Pierfrancesco Favino). He regularly appears in court for excessive violence and is as regularly acquitted because everything this seasoned man with a good-guy face does, is determined by the merciless necessity of life. And he firmly believes that life is shit...

Films made with this or that degree of sympathy for riot police inevitably invoke accusations of promoting brute force. On the other hand, the message of the movie – that the authorities intentionally turn «bad cops» into sacrificial goats, the targets for the anger and hatred of the desperate masses – does not seem too far-fetched.

Stas Tyrkin

ШЕПОТЫ И КРИКИ

КОНКУРС Гольфстрим под айсбергом/ Реж. Евгений Пашкевич

Ее зовут Лилит. Бессмертная первая жена Адама, не несущая на себе печать первородного греха, а потому имеющая возможность вытворять все, что захочет, перемещается по странам и эпохам, чтобы совращать праведников. Примерно так можно выразить фабулу этой картины, притом действительно «картины»: по крайней мере, в первой новелле, отнесенной к XVII веку, режиссер, костюмеры, гримеры и художники так мастерски воссоздали антураж великих полотен эпохи Возрождения, что начинаешь терять связь с реальностью. Чем-то это напоминает фотокомпозиции из журнала «Караван историй». В роскошном палаццо разворачивается некое светопредставление, с текущей по полу морской водой, экзотическими наложницами, скользкими по обнаженному и флегматичному Вилле Хаапасало, курением кальяна с наркотическими веществами и т. д. Затем что-то подобное происходит в чинном Париже образца 1861 года, а потом и в Прибалтике, отринувшей перед тем социализм. Надо всем этим парит шикарная брюнетка с загадочным взглядом. Откровенно говоря, я удивился, узнав из титров, что трех разных Лилит играли разные актрисы, причем мало похожие друг на друга «в миру». Не то чтобы их сходства сознательно добивались гримом и прочими ухищрениями:

скорее, это странное ощущение – один это человек или несколько? – близко к ощущениям мужчин-героев. Каждый из них, повстречав новую Лилит, мучится чувством, что где-то когда-то ее видел.

Итальянский Ренессанс, при всем его величии, эстетика на любителя: избыточная, тяжеловесная, даже приторная. Эстетика фильма Евгения Пашкевича местами тоже кажется перегруженной. За кадром то и дело – тяжелое дыхание: то ли жена мореплавателя (Вилле Хаапасало), ждущая его дома на сносях, начала рожать, то ли молодой парижский теолог (Данила Козловский) предался плотским грехам с невестой друга, то ли гражданин бывшего СССР без определенного рода занятий (Алексей Серебряков) бежит по ночному лесу, врезаясь лбом в деревья.

Вообще, Лилит – химера. Недаром она (точнее, правильно будет говорить: каждая из них) одновременно обладает яркой внешностью, а в одной из новелл прямо цитирует Тейлор-Клеопатру, и ускользает от запоминания. И невозможно понять, когда она является в фантазиях героев, а когда — в облике какой-нибудь дочери европейского домовладельца. Причем в последней новелле зрителю, запуганному коварством вселенского греха, Лилит начинает мерещиться уже в каждой встреч-

ной, включая девушку в метро... Лилит – призрак, и если принять это, то понимаешь, что перед нами погружение в страхи и страсти героев-мужчин, каждый из которых остается наедине с собой. Все прочие персонажи легко стираются с экрана. Человек остается один в зеркале, как Вилле Хаапасало в финальном кадре (так и хочется сказать:

портрете). Страхи, демоны, чернота подсознания и чувство вины.

Можно сделать такой вывод: не рассуждать же всерьез о том, почему именно последний герой, наш современник, отбилсь кое-как от чар Лилит, и значит ли это, что мы с вами покрепче духом, чем финские мореплаватели и французские теологи.

Игорь Савельев

МРАЧНЫЕ ТЕНИ

СЕКС, ЕДА, КУЛЬТУРА, СМЕРТЬ

Ржавчина (Ruggine)/
Реж. Даниеле Гальяноне

– Почему в вашем фильме дети оказываются прозорливее взрослых?

– Можно сказать, что в нем есть несколько реальностей. Несмотря на то, что фильм очень жесткий, в нем есть вещи, которые бы «не работали» в обычном, взрослом восприятии. Это важный момент в понимании образа этого злодейского мужчины. Восприятие детей не похоже на наше. Вероятно, детям удастся увидеть и то, что очевидно, и то, что взрослые отказываются видеть. Мне очень нравится сцена, в которой мы видим доктора Болдрини, делающего одни и те же вещи, но мы видим это в совершенно разной манере. Дети воспринимают его, как какого-то сумасшедшего, а мы видим его почти шекспировским персонажем. Детям удастся посмотреть насквозь, а посмотрев – увидеть правду.

– Сложно ли было работать с детьми?

– С детьми я старался работать в честной манере, насколько это возможно. Я ничего не скрывал от них, хотя это было рискованно, потому что они могли испугаться, отказаться. Но я не хотел врать. Они прекрасно знали, что происходило в фильме, они осознавали. Что касается актерской игры, то я приводил им такой пример. Допустим, ты Джузеппе,

ВСЕ УМРУТ, А Я ОСТАНУСЬ

ХОРОШИЕ, ПЛОХИЕ, ЗЛЫЕ Клип (Klip)/

Реж. Майя Милош

Сербской дебютантке Майе Милош от сравнения с Валерией Гай Германикой никуда не деться: «Клип», получивший главный приз последнего Роттердамского кинофестиваля, все о том же.

У школьницы Ясны все как у всех, только с поправкой на колорит сербского захолустья. Вместо ве-

вышеперечисленное. Важнее то, что в кадр не попадает – обычная жизнь как она есть, скандалы с матерью и споры с сестрой.

За кадром остается умирающий от рака отец. Не потому, что девочка Ясна существо бессердечное, а совсем даже наоборот. Страх, смерть, любовь – это ни для кого, это для

черних танцев – пьяная дискотека, вместо первого поцелуя – первый минет в грязном школьном сортире. Роль девичьего дневника играет камера мобильного телефона, в объектив которой попадает все

себя. Мегапикселям нельзя доверять самое интимное.

О любви – отдельно. Ясне нравится мальчик, не расстающийся с бутылкой пива – тот самый, который из сортира, но она не знает, как ему

это показать. Помогает тот самый телефон, который легко переведет незнакомое слово «любовь» в хорошо известный формат «порно».

В интервью Милош признается, что на создание картины ее вдохновил youtube – эта видеознциклопедия современности, кишашая такими же отрывочными свидетельствами чьих-то жизней. Это только кажется, что эти свидетельства могут что-то сказать о чьей-либо жизни. В их силах лишь зафиксировать сам факт существования.

Камера документирует факт существования, но эта же камера чудесным образом скрывает само существование. И Ясна прячется за ней, как за маской. Спасительный принцип остранения работает лишь до того момента, когда она, только что рассказавшая тому, который с пивом, об отце, произносит то самое непонятное «я люблю тебя». И ее не понимают – код неизвестен.

«Зачем смотреть на фотографии мертвых людей!», – бросает Ясна матери, листавшей семейный фотоальбом, и в ужасе закрывается в комнате. Парадоксально, но семья – это единственное интимное, что осталось. И эту интимность нельзя переводить в «цифру».

Они живут истерично, живут из последних сил. А за страстным желанием жить, которое рвется из штанов, готовое сокрушить любые табу – и наплевать на запреты, – стоит животный страх смерти. И в ужасе закрыв глаза, эти рано созревшие дети твердят как Отче наш свое: «Все умрут, а я останусь».

Константин Ананьев

VIP/ Удо Кир

АДВОКАТ ДЬЯВОЛА

Герой архауса и грайндхауса, провокативный персонаж кровавого трэша и изощренный знаток поэзии Рильке, Удо Кир – настоящая живая легенда, свидетель и участник самых значительных эпизодов кино, начиная с 70-х годов и до наших дней. Начать с того, что его феноменальное появление на экране после ряда не столь заметных фильмов связано с деятельностью Энди Уорхола, который в то время был одержим кинематографом. Оператор Уорхола Пол Моррисси случайно познакомился с Удо Киrom в самолете и вскоре предложил ему главную роль в хорроре «Плоть для Франкенштейна», гротескной пародии на знаменитую историю о всеобщей бесчувственности и «живых мертвецах», какими создатели фильма видели современное человечество. Затем последовала «Кровь для Дракулы», ради чего Кир за неделю сбросил пять кило, потому что Моррисси казалось, что актер слишком брызжет энергией, а его Дракула должен был передвигаться в инвалидном кресле. Трудности, сопряженные со съемками, никогда не пугали немецкого актера; он признается, что любит «пытки», потому что зрителям нравится смотреть, как он страдает на экране. В поисках новых интеллектуальных приключений Удо Кир сам предложил свои услуги мастеру хоррора Дарио Ардженто, потом – мотору Нового Немецкого Кино Райнеру Вернеру Фассбиндеру, а затем новичку Ларсу фон Триеру, который доверил ему роль Ясона в «Медее», открывшей длинный список их совместных работ. В фильмографии актера, насчитывающей без малого двести киноролей, нельзя не упомянуть такие картины, как «Европа», «Королевство», «Танцующая в темноте», «Догвилль», «Мандерлей», «Меланхолия».

Имея в своем актерском багаже роль Дракулы, Кир отважно заявил Стивену Норрингтону, пригласившему его на пробы к «Блейду» на роль повелителя вампиров, что «не родился вампиром, давайте сделаем этого парня биржевиком» – и получил роль, одну из многих в числе его голливудских блокбастеров. Однако теперь, по словам Кира, пришло время, когда он решил сниматься только в архаусных фильмах, у таких режиссеров, как Ларс фон Триер, Гай Мэдден или Гас Ван Сэнт. Впрочем, за некоторыми исключениями: он готов сниматься в таких картинах, как «Армагедон» – чтобы люди не забыли и чтобы водились деньжата платить по счетам. Этот компромисс отвечает его афоризму: «Чтобы играть дьявола, следует быть ангелом. Только ангел способен влезть в шкуру дьявола, потому что дьявол ведь падший ангел и есть».

Нина Цыркун

и перед тобой есть зеркало. Человек в зеркале – это персонаж, те события, которые происходят в рассказанной нами истории, происходят с ним, а не с тобой. Часть персонажа, то есть человека в зеркале, это ты, но есть расстояние между вами. Ты должен представлять эти события на расстоянии. И дети это прекрасно поняли.

– А зло, показанное талантливо, не сможет само себя воспроизводить?

– Часто в фильмах мы видим, что «плохие» персонажи завораживают. Меня это не особо интересовало, я считаю, что в докторе Болдрини нет ничего завораживающего, даже тогда, когда он хочет быть возвышенным и привлекательным. Например, когда он поет – это холодящая красота, это то, что вызывает у нас страх. Осознание этого привело меня к мысли, что не надо иметь никакого личного отношения к такому персонажу, не надо быть его соучастником. Может быть, как раз это осознание привело меня к тому, чтобы в фильме преобладал детский взгляд. Когда видят и не видят, понимают и не понимают, но чувствуют все. Откуда-то знают, что под простынями находится мертвая девочка, знают, что это означает, но не могут знать в точности, что происходит. В фильме много недоговоренности, и это важно. Показывать зрителю всё – это значит лишать его какого-то маневра, своей трактовки происходящего. А здесь зритель берет ответственность за создание образа на себя. Он тоже автор, не только я.

Интервью вели Ася Колодижнер и Петр Шепотинник
Венеция-2011

ЗВУКИ МУЗЫКИ

КОНКУРС ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

В поисках Шугармена (Searching for Sugarman)/ Реж. Малик Бенджелллу

На то, чтобы перечислить все странности этой истории, нужно потратить не одну сотню страниц. Главный герой – пожилой мексиканец Родригес. Человек в черных очках и длинном черном пальто. На вид – нечто среднее между Виктором Цоем и персонажем по кличке Мачете из боевиков его однофамильца. Родригес всю жизнь проработал разнорабочим в Детройте, тягая на пятый этаж мебель и холодильники, а на досуге сочинял простые и цепляющиеся песни в стиле кантри. Все друзья в округе, начиная с кровельщиков и заканчивая барменом из местного паба, от песен в восторге. Скромный продюсер местной студии звукозаписи – тоже. Тогда-то Родригес сочиняет свой первый хит «Sugarman» – тихую отповедь одиночеству и тщетным поискам счастья в депрессивном Детройте. Критики приняли песню с умеренным теплом. И полярным холодом – потенциальная аудитория. Записав еще полтора провалившихся альбома в начале 1970-х, Родригес оставляет тщетные попытки достучаться до слушателей. Тут и начинается самое интересное. Случайным образом

пиратская копия первого альбома попадает в ЮАР во времена апартеида – политики расовой сегрегации, проводившейся правившей Национальной партией чуть меньше полувека. Незатейливые нотки протеста из далекого Детройта мигом попадают под официальный запрет цензуры, но в лучших традициях советских самопальных записей Высоцкого молниеносно распространяются по стране. Последний штрих мультинациональной картины – шведский режиссер Малик Бенджелллу, который спустя десятилетия по кадрово восстанавливает эту невероятную историю.

От режиссера требуется совсем немного: не испортить столь богатую фактуру. И как минимум с этой задачей он справляется уверенно. Опоздавший на несколько десятков лет первый сольный концерт Родригеса на сцене пятидесятичного зала в ЮАР – впечатление помощнее сольного шоу Мадонны или Элтона Джона (на короткометражных фильмах об этих музыкантах Бенджелллу разминался прежде, чем приступить к работе над дебютным полным метром). А образ Родригеса – бессребреника и прирожденного поэта в шкуре простого рабочего – персонаж небывалой чистоты и глубины.

Вот уж действительно – такое бывает только в кино.

Никита Карцев

ЖИТЬ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ

ВОКРУГ СВЕТА Красиво, если смотреть издали (Z daleka widok jest piekny)/ Реж. Анка Саснал, Вилхельм Саснал

– Вилхельм, что для вас «Красиво, если смотреть издали» – картина или фильм?

– Думаю, все-таки фильм. Правда, я работаю в обеих сферах – и как художник, и как режиссер. Но я разделяю два этих вида творчества. Мне необходимо и то, и другое. Просто иногда хочется немного отдалиться от живописи, иначе есть опасность, что она мне надоест. Мне нужна некоторая дистанция, чтобы смотреть на живопись в перспективе и сохранить свежесть своего к ней отношения.

– Для вас важнее писать картины или снимать их?

– Не могу ответить на этот вопрос. В качестве повседневной деятельности предпочитаю живопись, она намного более интимна, ты все делаешь сам, риск не так велик, ответственность несешь только за себя, а не за всю группу или бюджет. Ничего особенно страшного не происходит, если вы испортили картину или она не нравится: ее можно просто уничтожить и написать заново. Работа над фильмом, становясь частью команды. И эта работа требует продолжительного времени. В живописи совсем иначе, я рисую быстро и результаты вижу уже в тот же день. В кино же процесс, конечно, гораздо более сложный и длительный. Но сказать, что важнее для меня, я не смогу.

– Человек и пейзаж для вас равноценные объекты?

– Недавно прочитал интервью с Антониони, в котором он говорил, что всегда думает про пейзаж. Люди – тоже часть пейзажа. Да, пейзаж – это то, что мы видим перед камерой, и люди просто составная его часть. Иногда предмет как свидетельства человеческой деятельности оказываются важнее, чем сами люди.

– Как вы снимаете природу?

– Мне сложно сказать: вот здесь кончается природа, а вот здесь начинается человек. Для меня нет такой границы. Конечно же, люди – часть природы. Они столь же жестоки, как животные, даже более жестоки. Я не смог бы с уверенностью утверждать, что в животных меньше человечности, чем в людях. В общем, не вижу большой разницы между природой и человеком.

– Как много профессиональных актеров было на площадке?

– Одни только профессионалы, это для нас было самым важным. Мы стремились убедить их не играть, забыть свои профессиональные навыки, быть естественными. Перед съемками мы возили их в деревню, они смотрели, как там ходят, как держат себя, как разговаривают люди. Мы постоянно напоминали актерам: «Забудьте о театре, просто идите, а не думайте о том, как идти, просто пейте, а не делайте вид, что пьете». Вот и все. Мы избавились от всего лишнего, искусственного. Поэтому и удалось добиться того эффекта, будто на экране настоящие, а не придуманные люди.

– Почти документальные...

– В фильме несколько уровней, есть и документальный. И в целом его можно воспринимать как притчу об истории человеческой природы. К живописи у меня такой же многоуровневый подход. Иногда я беру реальные сюжеты, иногда придумываю их. Иногда картина основана на моих собственных, очень личных зарисовках, а иногда на том, о чем можно прочитать в газетах. Я стремлюсь к максимальной свободе самовыражения, хочу испробовать как можно больше всего разного и в разных сочетаниях.

– Удивительно, что эта, в общем-то, мрачная история просто пронизана солнцем...

– Лето – живописная пора. Когда преступление совершается на ярком солнечном свете, оно воспринимается острее, чем в тени. Поэтому действие происходит летом. Но были и прозаические причины. Нам просто нравится быть летом на съемочной площадке.

– Как далеко это «далеко», из которого все выглядит красиво?

– Когда мы приехали в эту деревню, мы очень устали от беспорядка на ферме. Достаточно было отойти метров на пятьсот к берегу реки чуть выше по течению, и вот уже с этого расстояния все казалось прекрасным.

– Есть ли изменения в жизни польской деревни?

– После 2004 года произошли большие перемены, деревни преобразились, деньги потекли в провинцию, всюду починили дороги, появились новые тротуары. Мы ездили на ферму в течение двух лет и своими глазами все это наблюдали. Да, деньги принесли с собой перемены. И эти годами забытые местечки начали получать доход.

– Вы, похоже, оптимист...

– Да, я оптимист. Мы проводили кастинг в деревне на некоторые детские роли. Нам хотелось найти очень простых ребят. Но очень быстро мы поняли, что деревенские дети мало чем отличаются от городских. Это свойство поколения. Они то же самое читают, так же проводят время в интернете, в их школьном образовании почти нет разницы с городскими. Ситуация заметно улучшается. Дело времени – и скоро эти люди станут по-настоящему равными.

Интервью вели Ася Колодичнев и Петр Шепотинник
Роттердам-2012

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

ПЕРСПЕКТИВЫ Где мой родной язык? (Ana Dilim Neredê)/ Реж. Вели Кахраман

Слышали ли вы когда-нибудь о языке народа заза, проживающего в Турции, языке, отдаленно родственном курдскому? Вряд ли, как и о многих других языках малых народностей, которые исчезают, поглощаемые историческими катаклизмами, политическими ветрами и неумолимыми процессами глобализации.

Старик Мустафа, герой дебютного фильма турецко-го режиссера Вели Кахрамана, опечален тем, что его родной язык находится на грани исчезновения, что его внук говорит по-английски и ходит на курсы итальянского, не зная ни одного слова на языке своих предков. В этом он винит прежде всего самого себя, считая, что, несмотря ни на какую официальную политику, ни на какие государственные запреты, он должен был привить своим детям любовь к традициям своих предков, к их самобытной культуре, к выразителю души своего народа – языку зазаки.

А сейчас он, старый, тяжело больной, сам с трудом воскрешает в памяти отдельные слова того языка, на котором говорили в его семье, когда он был маленьким. Но свои последние жизненные усилия он хочет направить на то, чтобы те звуки и те слова, которые всплывают в его памяти, были записаны на магнитофон и остались запечатленными для его внуков. Он перебирает в руках старые фотографии, достает какие-то старинные предметы домашнего обихода, смотрит в окно... И именно самые простые вещи начинают звучать в его голове на зазаки...

Доктор советует ему немного отдохнуть, жена умоляет лечь в постель, но он упорно напрягает свою память, пишет и произносит вслух отдельные фразы, словно ребенок, учится читать и писать заново. И чем чаще он произносит эти слова, глядя в зеркало, шепча их перед сном, тем ближе они ему становятся. Ему кажется, что именно язык зазаки выражает его мысли и особенно чувства наиболее точным образом.

Фильм, не являясь, строго говоря, документальным, вызывает ощущение полной подлинности и достоверности – ведь он снят в реальной обстановке, и его герои – Мустафа и его жена – не актеры,

а реальные лица: Мустафа и Хатише Кахраман, родственники автора картины.

«Где мой родной язык?» – тихий рассказ о старости, о памяти, в котором много и юмора, и самоиронии.

Эта простая, ясная, трогательная картина снята очень искренне, с огромной теплотой и любовью. Она не стремится поразить зрителей своей оригинальностью, эффектными съемками, стилизованными выкрутасами.

Но она, безусловно, заслуживает того, чтобы в нее всмотрелись и вслушались.

Евгения Турдатова

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ КРАСОТА

ЮНЬФАНЬ. КРАСКИ ДУШИ

О России

В фильме «Принц слез» показан ужас коммунизма в Тайване. Россия – вот место, где коммунизм зародился, поэтому в картине много восточноевропейской музыки, вот мы и использовали одну очень популярную в сороковых годах русскую песню – «Одинокая гармонь». Мне показалось, что в этом содержится доля иронии. Главный герой обожает музыку. Вы же понимаете, что любовь к музыке совершенно не зависит от политики. Меня вообще вдохновляет тема России, русской музыки, русского кино. Первый русский фильм, который я видел, был «Дама с собачкой», второй – «Летят журавли». Они на меня сильно повлияли.

О вдохновении

Я вчера в кинотеатре «Октябрь» пересмотрел «Разноцветные бутоны», а позавчера – «Принца слез», и понял, как изменился мой взгляд на кинорежиссуру со времен «Улицы Бугис». Потому что до этого фильма я просто пересказывал историю, а теперь мне больше нравится экспериментировать. Разбивать историю на части, использовать различные цитаты, обыгрывать их. Идти в глубину истории, за кадр. Иногда мне кажется, что я способен рассказать одну и ту же историю сначала в поэтическом, а затем в психоделическом ключе.

О любимом фильме программы

Мне тяжело ответить, потому что это семь моих любимых чад. Кто-то может назвать лучшим «Принц слез», кто-то – «Разноцветные бутоны». Но все мои фильмы отличаются друг от друга. Скажем, мой первый фильм «Необычный роман» – это такая инфантильная история любви тинейджеров. «Двойное влечение» – забавная пародия на «Головокружение» Хичкока. «Последняя любовь» – шикарный фильм с топ-звездами гонконгского кино, посвященный переменам в Гонконге. «Любовь юного красавца», «Разноцветное бутоны», «Принц слез»... Надеюсь, что вы посмотрите все эти фильмы.

О смене пола

Я думаю, главная тема «Разноцветных бутонов» – отчаянный поиск настоящей любви. Поиск, который доводит до смены пола. В другой сюжетной линии любовь доводит до смерти. Смерть и любовь – вечные проблемы человечества. Если ты готов пойти на такие крайние меры, значит, любовь настоящая. В конце фильма звучит цитата из Тана Сяньчжу, писателя, создавшего пьесу «Пионовая беседа». Это замечательные слова: «Чем дольше живешь, тем меньше ты знаешь о любви. Любовь может убить. Смерть может оживить. Если нет воскрешения, значит, нет настоящей любви». Я полностью согласен с этими словами, хотя они написаны примерно четыреста лет назад.

RUST/ RUGGINE

SEX, FOOD, CULTURE, DEATH

Dir. Daniele Gaglianone

– *Why do children see that he is a criminal, while no one else suspects this respectable gentleman?*

– I'd say, there is more than one reality in my movie. In spite of the fact that it is very tough, there are things in it which would not «work» for the usual adult perception. This is important for the character of this evil man. Children see the world differently. Probably they can see the evident things as well as the things that adults refuse to see. To a certain extent this is a movie about power, authority. We often forget that power and authority are two sides of the same coin. A respectable man, invested with certain authority, can have evil power. I very much like the scene where Dr. Boldrini does certain things, but we see them in absolutely different ways. To the children he looks sort of insane and to us he is almost a Shakespearean character. The children can see through him and see the truth.

– *Was it hard working with children?*

– I tried to be honest with the children as far as possible. I did not hide anything from them, although there was a risk that they might get frightened and refuse to work. They knew perfectly well what was happening in the movie, they realized it. As for acting, I gave them this example. Suppose you are Guiseppe and there is a mirror in front of you. The man in the mirror is you, but at the same time he is a different person, a different object. The man in the mirror is the character, the events of our story happen to him and not to you. Part of that person in the mirror is you, but there is a distance between you two. You must see these events from a distance. And the children understood me.

– *Is it possible that evil, shown with such talent, could start reproducing itself?*

– I have two things to say. The first one is general: about the message of the movie, about evil and violence. We often notice that bad guys in movies are fascinating. I was not interested in that, I don't find anything fascinating in Dr. Boldrini, even when he tries to seem poetical and attractive. For example, when he sings, it is chilling beauty, it arouses fear. Realizing this I concluded that I should not have any personal attitude to the character, I should not be his associate. Perhaps this realization prompted me to give preference to the point of view of children. Some people see, others don't, some understand, others don't, but everyone feels. Somehow they know that there is a dead girl beneath the sheets, they know, what it means, but can't know exactly what is going on. A lot is left unsaid in the movie and it is important. When you show everything to the audience, you don't leave them any space for maneuver, any opportunity for their own interpretation of the events. And here the viewer takes upon himself the responsibility for creating this personality. He is also the author and not just me.

Interview by Asya Kolodizhner and Peter Shepotinnik

GULF STREAM UNDER THE ICEBERG

COMPETITON

Dir. Yevgeny Pashkevich

Her name is Lilith. Adam's immortal first wife, unblemished by the primordial sin, and consequently able to pull off whatever she fancies, travel through countries and epochs to seduce righteous men. This might be the summary of the moving picture, which

is really a «picture»: at least in the first novella, set in the Middle Ages, the director, costume designers, make-up artists and production designers recreated great Renaissance paintings so skillfully, that one starts losing the connection with reality. It all faintly reminds one of compositions from the magazine «Caravan of Stories». In a luxurious Italian palazzo a certain rite is taking place: sea water is flowing across the floor, exotic concubines slide over the naked phlegmatic Ville Haapasalo, narghile with drugs is being smoked etc.. Then something similar is repeated in Paris in approximately 1861 and later still in the Baltic states, which had previously rejected socialism. A magnificent brunette with a mysterious gaze hovers over the scenes. Frankly, I was amazed when I learnt from the titles that three different Liliths were played by three actresses, who do not resemble each other in real life. It is not that any conscious effort was made to make them look alike with the help of make-up or something. The queer feeling – is it the same person? – is close to the experience of male characters. Each of them, having met a new Lilith, is tortured by the feeling that he had already seen someone like her somewhere.

With all its grandeur the aesthetics of the Italian Renaissance is not to everyone's liking: it is excessive, heavy, even luscious. The aesthetics of Evgeny Pashkevich's movie at times seems overloaded too. Again and again heavy breathing is heard off-screen: either the seafarer's (Ville Haapasalo) wife, who was waiting for him at home, is finally in labor, or a young Parisian theologian (Danila Kozlovsky) is indulging in carnal pleasures with his friend's bride, or a citizen of the former USSR with no straight job (Alexei Serebriakov) is running in the night forest, bumping his head against trees.

In general, Lilith is a chimera. She (or rather each of them) is purposefully made to look strikingly beautiful, directly quoting Taylor-Cleopatra in one of the novels, and eludes retention. There is no way of telling when she appears in the dreams of the characters and when presents herself in the guise of the daughter of some European landlord. In the last novel the viewer, frightened by the treacherous universal sin, starts seeing Lilith in every woman that comes his way, including girls in metro trains. Lilith is a ghost and once you accept this maxim, you understand that we are dealing with the fears and passions of male characters, each of whom is left one on one with himself. All other characters are easily erased from the screen. The man is left alone in the mirror like Ville Haapasalo in the final shot (one is tempted to say portrait). Fears, demons, black subconsciousness and the feeling of guilt.

This is one of the possible conclusions. Or should we seriously consider why it was the last character, our contemporary, who managed to fend off Lilith's charms, and does it mean that we are sturdier spiritually than Finnish seafarers and French theologians?

Igor Savelyev

CLIP/ KLIP

GOOD, BAD, EVIL Dir. Mija Milos

The Serbian debutante Mija Milos stands no chance of not being compared to Valeria Guy Germanika. Her «Clip», which won the main prize at the latest festival in Rotterdam, deals with the same subject.

The schoolgirl Yasna is just like everyone else, save the peculiarities of the Serbian backwater. Instead of ballroom dancing they have drunken nightclub life, instead of the first kiss there is the first blow job in the dirty school WC. The function of the girl's dairy is performed by the cell-phone camera, which records all of the above-mentioned. What matters is what is not recorded – the everyday life as it is, quarrels with mother and sister.

The father dying from cancer remains off-screen. Not because the girl Yasna is heartless, rather the other way round. Fear, death, love, they are not for

everyone, they are for oneself. The most intimate things cannot be entrusted to megapixels. Love is a different story. Yasna likes a boy, who never parts with a bottle of beer, the one from the WC, but she does not know how to show it to him. The above mentioned cell phone comes to the rescue, easily translating the unfamiliar word «love» into the well-known «porno».

In her interview Milos said that she was inspired to make the movie after watching clips on Youtube, this video encyclopedia of modern times swarming with fragmentary records of people's lives. It is an illusion that these records can tell something about someone's life. All they can state the fact of someone's existence.

The camera documents someone's existence and at the same time miraculously conceals this very existence. Yasna hides behind it as if it were a mask. The guardian principle of detachment works only to the point when, having told her guy, the one with a bottle of beer, about her father, she blurts out the incomprehensible words «I love you». And she is not understood, the code is unknown. «Why look at photos of dead people» Yasna quips to her mother, who is leafing through the family album, and, frightened, locks herself in her room. Ironically, the family is the only intimate thing left. And this intimacy cannot be digitized.

They live hysterically, by the skin of their teeth. But behind this strange desire to live, which is breaking out of the pants ready to disregard any taboos and spit on any prohibitions, there is a vibrant fear of death. Closing their eyes in horror these children, who have matured early, repeat again and again like a litany «Everyone will die, but I will live on».

Konstantin Ananyev

UDO KIER

VIP

The hero of arthouse and grindhouse, provocative protagonist of bloody trash and sophisticated connoisseur of Rilke's poetry, Udo Kier is a real living legend and a witness to the most important episodes of the cinema from the 70s of the 20-th century up to now. To begin with, his phenomenal apparition on the screen after a number of less noted pictures was connected with activities of Andy Warhol, who in that time was obsessed with cinema. Warhol's cinematographer Paul Morrissey made acquaintance with Udo Kier in the airplane and soon after suggested him the main role in the horror «Flesh for Frankenstein», a grotesque parody of the famous story about the universal insensitivity and living-deadness of contemporary mankind. Then followed «Blood for Dracula», for which Kier had to loose five kilos in a week, because to Morrissey's mind the actor had too much energy, whereas their Dracula should be in a wheelchair. Difficulties during shooting have never bothered the German actor, since he confesses, that likes torture because watching him experiencing troubles makes viewers happy. Seeking new intellectual adventures Udo Kier volunteered to join the crew of the horror master Dario Argento, later the motor of the New German Cinema Reiner Werner Fassbinder and then a newcomer last Lars von Trier, who appointed him as Jason in his «Medea», which launched the long cooperation. In about two hundred item's filmography of the actor one should not but mention «Europe», «The Kingdom», «Dancer in the Dark», «Dogville», «Manderlay» and «Melancholia».

Having Dracula on his actor's list, Kier boldly said to Stephen Norrington, who called him for the audition for the overlord vampire in «Blade», that «wasn't born a vampire, just let's do it like a stock broker» – and got the role, one of many his Hollywood blockbusters. But now the time comes that he decided to do only art films, working with directors like Lars von Trier or Guy Maddin or Gus Van Sant with some exceptions – from time to time he is ready to make a film like «Armageddon» so people see that he's still around and to pay the bills. This trade-off easily

corresponds to his aphorism: «I think to be the devil you have to be an angel. Only an angel can play the devil because the devil was a fallen angel».

Nina Tsyrukun

SEARCHING FOR SUGARMAN

DOCUMENTARY COMPETITION

Dir. Malik Bendjelloul

It would require hundreds of pages to describe all the intricacies of this story. The protagonist is a middle-aged Mexican called Rodriguez. A man in dark glasses and a long black overcoat. He looks like something in between Viktor Tsoy and the guy nicknamed Machete from his namesake's action movie. All his life Rodriguez worked as a handyman in Detroit, hauling furniture and fridges to the fourth floor, and in his spare time used to compose simple memorable tunes in the country style. All his friends in the neighborhood from roofers to the barman in the local pub were ecstatic about his songs. As was the modest producer at the local recording studio. It was then that Rodriguez composed his first hit «Sugarman», a quiet rebuff to loneliness and futile search for happiness in depressive Detroit. Critics' reception was moderately warm. The potential audience remained freezing cold. In the early 1970s Rodriguez recorded another album and a half, which also flopped, and gave up his attempts to get to the audience. That is where the most interesting things start. Somehow a pirate copy of his first album made its way to apartheid South Africa, where the ruling National Party had practiced racial segregation for a little less than half a century. Simplistic notes of protest from the far-away Detroit were immediately banned by the official censorship but in keeping with the best Soviet traditions of homemade copies of Vysotsky's music, spread across the country in a flash. The final brush stroke in the multinational picture is the Swedish director Malik Bendjelloul, who, decades later, reconstructs this incredible story step by step.

Not much is required from the director – not to spoil the rich material. And he copes with this task brilliantly. Rodriguez's belated solo concert in the South African hall housing 5 thousand viewers makes a more powerful impression than Madonna's or Elton John's shows (Bendjelloul warmed up making shorts about them before getting down to his feature-length debut). The character of Rodriguez himself, the selfless natural-born poet in the guise of a simple worker, has unprecedented purity and depth.

There you are, such things happen only in movies.

Nikita Kartsev

IT LOOKS PRETTY FROM A DISTANCE/ Z DALEKA WIDOK JEST PIKNY

FILMS AROUND THE WORLD

Dir. Anka Sasnal, Wilhelm Sasnal

– Wilhelm, *What is It Looks Pretty from a Distance for you – a picture or a film?*

– I think a film, really. True, I work in both spheres – both as an artist and as a director. But I separate these two kinds of creativity. I need them both. It's just that from time to time I need to be somewhat

removed from painting, otherwise there's a danger that I'll get bored with it. I need a certain distance so as to look at art in perspective and maintain the freshness of my attitude towards it.

– *Is it more important for you to draw pictures or to film them?*

– I can't answer that question. In terms of daily activity I prefer art, it's a lot more intimate, you do everything yourself, there's not much risk, you only have responsibility to yourself, rather than to a whole group or a budget. There's nothing particularly terrible that could happen – if you spoil a painting or you don't like it then you can simply destroy it and paint another one. But in working on a film you become part of a team. And this work demands a prolonged period. In art it's completely the opposite, I paint quickly and I can see the results the same day. But in films the process is naturally a lot more complicated and protracted. However, I can't say which is higher or lower for me.

– *Are people and landscapes of equal value to you as subjects?*

– Recently I read an interview with Antonioni in which he said that he always thinks about landscapes. People are also part of a landscape. Yes, a landscape is what we see in front of the camera, and people are simply a component part of it. Sometimes objects as evidence of human activity turn out to be more important than people themselves.

– *How do you film nature?*

– It's difficult for me to say: here nature comes to an end, and there people begin. For me there is no such boundary. Of course, people are a part of nature. They are just as cruel as animals, even crueler. I couldn't state with any certainty that among animals there's less humanity than among people. Overall, I don't see a huge difference between nature and humankind.

– *How many professional actors were on the set?*

– They were all professionals – that was the most important thing for us. We strove to persuade them not to act, to forget their professional skills, and just be natural. Before shooting we took them to the village, they looked around at how people walk, how they behave, and how they talk to each other. All the time we reminded the actors: «Just forget about the theatre, just walk and don't bother thinking about how to walk, just drink, and don't pretend that you're drinking.» That's all. We got rid of everything superfluous and artificial. We discarded all the insignificant dialogues so that there was no sense that the language was stilted, and we concentrated on the relations between the characters. For that reason we managed to achieve the effect of real people on the screen, and not invented characters.

– *Almost like a documentary...*

– The film has several layers, and one is the documentary layer. And overall one can perceive it as a parable of the history of human nature. I have the same multilayered approach to painting. Sometimes I take real subjects, and sometimes I invent them. Sometimes a painting is based on my own, very personal, sketches, and at other times on what you can read in the newspapers. I strive for the greatest freedom of self-expression, I want to experience as many different things as possible, and in different combinations.

– *It's marvellous that this generally gloomy story is simply saturated by the sun...*

– Summer is a picturesque time. When a crime is perpetrated in clear daylight, it's perceived more pointedly than when in the shade. And so the action takes place in the summer. But there were also more mundane reasons. We just enjoy being on a film set in summer.

– *How far away is «from a distance» at which everything looks pretty?*

When we went to this village, we were very tired from the chaos on the farm. It was enough to move back five hundred metres towards the river bank a bit further upstream, and from that distance everything seemed wonderful.

– *Have there been changes in the life of Polish villages?*

– After 2004 sweeping changes occurred, villages were transformed, money flowed into the provinces,

roads were repaired everywhere, and new pavements appeared. We travelled to the farm for two years, and we witnessed all this with our own eyes. Certainly, money brought about changes. And during these years forgotten places started to receive an income.

– *It seems that you are an optimist*

– Yes, I am. We held a casting session in the village for certain children's roles. We wanted to find some very down-to-earth lads. But we realised very quickly that village children are little different from urban ones. It's a feature of this generation. They read the same things, they also spend time on the Internet, and in their school education there's almost no difference. The situation is noticeably improving. It's a matter of time – and soon these people will become truly equal.

Interview by Asya Kolodizhner and Peter Shepotinnik

YONFAN

COLOURS OF SOUL

Russia and Russian music

«Prince of Tears» is about entire terror of white communism in Taiwan. Russia is a place where communism was born, Soviet Union. You can tell that this movie have a very strong influence of Eastern European music. And we used in our movie one popular Russian song that was written in the 40ties. It is kind of an irony in that time, because the leading man loves music. Because music is music and if you love the music it doesn't mean that you agree with politics. This is a very strong conflict. So that is a reason why I used Russian song in this movie. And also I find the Russian cinema and Russian literature very nice. First Russian movie I saw was «Lady with a Dog», second was «Cranes are Flying». I think personally I had a great Russian influence.

Inspiration

Yesterday I watched «Colour Blossoms», and the day before yesterday I watched Prince of Tears. I just realized that the way of filmmaking for me has changed since «Bugis Street». Because before «Bugis Street» I made films in the way of usual storytelling. But now I am making films in a very experimental manner, breaking a story into parts, using a different quotes. Sometimes it's not about storytelling, but looking for a story behind. Sometimes I think I have some poetical language for certain quote, sometimes psychedelic language.

Main film

I have seven beloved children here and you are asking, which of them is best. One said «Prince of Tears», other says «Colour Blossoms», and I say the rest five. Every film is very different from each other. It is very exciting to even describe them. For instance my first film «Certain Romance» is very infantile love story of teenagers. «Double Fixation» is very unusual comedy spoof of Hitchcock's «Vertigo». «Last Romance» is gorgeous film with Hong Kong super stars and changes in Hong Kong. «Bishonen», «Colour Blossoms», «Prince of Tears» – you've got to watch them all!

Gender change

I think that importance of the movie «Colour Blossoms» is searching of true love, desperately looking for true love. Even to the degree when person wants to change sex for true love. That is ultimate way of searching for true love. The other way of searching for true love is death. Those two things are very important for human beings. If you can do that, that really means the true love. In the ending of «Colour Blossoms» we have one quotation of Tang Xiang, author of «Peony Pavilion». It says: «Love is a source unknown, and it goes all the way. Life can be death. Death can revive. And if there is no resurrection, that it is not true love». I truly believe in that poetic sentence, even though it was written almost four hundred years ago.

1. Вилле Хаапасало
2. Нурбек Эген
3. Татьяна Лютаева
4. Яна Троянова
5. Екатерина Вилкова
6. Бакур Бакурадзе
7. Павел Руминов

26 ИЮНЯ / JUNE, 26

12:00	Фортепьяно на фабрике / THE PIANO IN A FACTORY	Октябрь, 8	105
12:30	Любовь юного красавца / BISHONEN	Октябрь, 7	101
13:30	Серенада трех сердец / DESIGN FOR LIVING	Октябрь, 6	91
13:30	Быстро и без боли / SHORT SHARP SHOCK	Октябрь, 9	90
14:00	Чувственная математика / COLORS OF MATH	Октябрь, 2	60
14:00	Любовь к ненависти / LOVERS OF HATE	Октябрь, 4	93
14:30	Голая бухта / NAKED HARBOUR	Октябрь, 8	118
15:00	Потерянные земли / LOST LAND	Октябрь, 5	73
15:00	Если все... / IF ONLY EVERYONE	Октябрь, 7	92
15:00	Желание / WISH	Октябрь, 10	99
16:00	Ана-Бана / ANA BANA	Октябрь, 2	98
16:00	Поцелуй женщины-паука / KISS OF THE SPIDER WOMAN	Октябрь, 6	120
16:30	Шугарландский экспресс / THE SUGARLAND EXPRESS	Октябрь, 4	109
16:30	Пиросмани / PIROSMANI	Октябрь, 9	85
17:00	Здесь может быть ваша реклама / THIS SPACE AVAILABLE	Октябрь, 5	90
17:00	Двойное влечение / DOUBLE FIXATION	Октябрь, 8	96
17:30	Любовь / ONE LOVE	Октябрь, 7	99
17:30	Эстонская анимация / ESTONIAN ANIMATION	Октябрь, 10	120
18:30	Птицы / BIRDS	Октябрь, 11	71
19:00	В поисках шугармена / SEARCHING FOR SUGAR MAN	Октябрь, 2	83
19:00	Где мой родной язык? / WHERE IS MY MOTHER TONGUE	Октябрь, 4	61
19:00	Мечта олигарха / A DREAM OF AN OLIGARCH	Октябрь, 5	100
19:00	Магазинчик за углом / THE SHOP AROUND THE CORNER	Октябрь, 6	99
19:00	Расколотое небо / THE DIVIDED HEAVEN	Октябрь, 9	116
19:30	Все копы – ублюдки / A.C.A.B.: ALL COPS ARE BASTARDS	Октябрь, 1	110
19:30	Челюсти 3 / JAWS 3	Октябрь, 8	99
20:00	Инкогнита / INCOGNITA	Октябрь, 10	116
20:00	Трактористы-2 / TRACTOR DRIVERS-2	Октябрь, 11	84
20:00	Леди / THE LADY	Октябрь, 7	132
21:00	Секс ангелов / SEX OF THE ANGELS	Октябрь, 4	105
21:30	Конкурс короткого метра / SHORT FILM COMPETITION	Октябрь, 2	116
21:30	Программа документальных короткометражек / DOCUMENTARY FILMS PROGRAMM	Октябрь, 5	91
21:30	Фортепьяно на фабрике / THE PIANO IN A FACTORY	Октябрь, 6	105
22:00	Железное небо / IRON SKY	Октябрь, 1	93
22:00	Чертополох / IRONWEED	Октябрь, 9	137
22:00	Ижевская программа / IZHESK PROGRAM	Октябрь, 11	83
22:30	Виолета отправилась на небеса / VIOLETA WENT TO HEAVEN	Летний Пионер	110
23:00	Клип / CLIP	Октябрь, 7	100
23:15	Отбросы / JUNKHEARTS	Октябрь, 4	99

27 ИЮНЯ / JUNE, 27

11:00	ЗДЕСЬ МОЖЕТ БЫТЬ ВАША РЕКЛАМА / THIS SPACE AVAILABLE	Октябрь, 5	90
-------	---	------------	----

11:00	Одинокий остров / LONELY ISLAND	Октябрь, 7	100
12:00	Город детей / CITY OF CHILDREN	Октябрь, 8	100
12:30	Пишоте, или Закон самого слабого / PIXOTE	Октябрь, 6	125
13:00	Калифорнийское соло / CALIFORNIA SOLO	Октябрь, 4	94
13:00	Программа документальных короткометражек / DOCUMENTARY FILM PROGRAMM	Октябрь, 5	91
13:00	Расколотое небо / THE DIVIDED HEAVEN	Октябрь, 9	116
14:00	Двойное влечение / DOUBLE FIXATION	Октябрь, 7	96
15:00	В поисках шугармена / SEARCHING FOR SUGAR MAN	Октябрь, 2	83
15:00	ОРДА / HORDE	Октябрь, 8	128
15:00	Инкогнита / INCOGNITA	Октябрь, 10	116
15:30	Магазинчик за углом / THE SHOP AROUND THE CORNER	Октябрь, 6	99
16:00	Айседора / ISADORA	Октябрь, 4	139
16:00	Монпарнас, 19 / THE LOVERS OF MONTPARNASSE	Октябрь, 9	108
16:30	Горечь любви / BITTER LOVE	Октябрь, 7	96
16:30	Случайная связь / RANDOM ENCOUNTER	Октябрь, 11	80
16:45	Четвертое измерение / THE FOURTH DIMENSION	Октябрь, 2	106
17:00	Взрослея вместе с ветром / GROWING IN THE WIND	Октябрь, 1	84
17:00	Жизнь в фотографиях / LIFE IN STILLS	Октябрь, 5	58
18:00	Быть или не быть / TO BE OR NOT TO BE	Октябрь, 6	99
18:00	Собаки Ада / DOGS OF HELL	Октябрь, 8	89
18:30	Программа ранних фильмов И. Алейникова / EARLY FILMS BY IGOR ALEINIKOV	Октябрь, 11	60
19:00	Все уши / EVERYBODY'S GONE	Октябрь, 7	120
19:00	Классовые отношения / CLASS RELATIONS	Октябрь, 9	126
19:30	Июль / JULY	Октябрь, 1	98
19:30	Фого / FOGO	Октябрь, 5	62
19:45	ТТ ЗД: Вырваться вперед / TT 3D: CLOSER TO THE EDGE	Октябрь, 2	104
20:00	Цикл / CYCLE	Октябрь, 10	78
20:00	«Видеопоезия» / VIDEOPOETIC PROGRAMME	Октябрь, 11	73
20:15	38 свидетелей / 38 WITNESSES	Октябрь, 8	104
20:30	Ли и поэт / LI AND THE POET	Октябрь, 6	96
21:30	Хара-кири / HARA-KIRI 3D	Октябрь, 2	126
21:30	Студент / STUDENT	Октябрь, 4	90
21:30	Аргентинский урок / ARGENTINIAN LESSON	Октябрь, 5	60
21:30	Необычный роман / A CERTAIN ROMANCE	Октябрь, 7	92
22:00	Доля ангелов / THE ANGELS' SHARE	Октябрь, 1	101
22:00	Карандиру / CARANDIRU	Октябрь, 9	146
22:00	Программа объединения Вверх. Часть 1 / ASSOCIATION «UP». PART I	Октябрь, 11	106
22:30	Апостол / O APÓSTOLO	Летний Пионер	84
22:30	После битвы / AFTER THE BATTLE	Октябрь, 8	122
23:00	От любви хлебнёшь по полной / LOVE ACTUALLY... SUCKS!	Октябрь, 6	83
23:15	Кошки-мышки / NO LIAR, NO CRY	Октябрь, 4	90
23:30	Герилья / GUERRILLA	Октябрь, 5	140
23:30	Коллекция «Бешеные Чихуа-хуа» / THE «RESERVOIR CHIHUAHUAS» COLLECTION	Октябрь, 7	120

34 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
34 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 34 ММКФ / 34 MIFF SPONSORS

Mercedes-Benz

L'ORÉAL
PARIS

CARRERA / CARRERA
MADRID

InStyle

Коммерсантъ

Коммерсантъ FM 93.6
радио новостей

HELLO!

WWW.KINOBUSINESS.COM
КИНОБИЗНЕС
СЕГОДНЯ

рамблер-касса